

Он помнил, как Линь Луоцин и Цзи Юйсяо только что поженились.

Тот день был солнечным, и Линь Луоцин забрал его и Цзи Лэя домой, сказав, что вечером они поужинают и отправятся в дом Цзи, чтобы навестить отца Цзи Юйсяо, дедушку Цзи Лэя.

Маленький Линь Фэй не стал отказываться, взял подготовленный Линь Луоцином рюкзак с планшетом и закусками и вместе с Цзи Лэем отправился в старый дом семьи Цзи.

Там было много людей, многие родственники Цзи Юйсяо пришли со своими детьми, и все они сидели в гостиной дома Цзи.

Позже взрослые ушли в конференц-зал на третьем этаже, чтобы обсудить дела, а дети остались играть на первом этаже.

Линь Фэй, по своей природе холодный и незнакомый с семьей Цзи, сел на диван и достал планшет, чтобы посмотреть видео.

Он помнил, как Линь Луоцин перед выходом сказал ему, что закуски в рюкзаке нужно делиться с Цзи Лэем, поэтому, когда он начал смотреть видео, он естественно предложил Цзи Лэю посмотреть вместе.

Цзи Лэю не отказался, взял наушники у Линь Фэя и вместе с ним начал смотреть «Мир животных».

В том выпуске рассказывалось о гепардах, их скорости бега, но ради этой скорости они пожертвовали многим, что сделало их охотничьи способности слабее, чем у львов, тигров или даже леопардов. Линь Фэй смотрел, как вдруг ему понадобилось в туалет. Он тихо спросил Цзи Лэя, где находится туалет, и, узнав, пошел туда один. Когда он вернулся в гостиную, то увидел, что кто-то обижает Цзи Лэя.

Это был мальчик, которого, судя по имени, звали Цзи Синь. Он стоял перед Цзи Лэем и называл его «несчастливым», говоря, что он виноват в смерти своих родителей.

Цзи Лэю сидел на диване, сжимая пакет чипсов, его красивое личико выражало обиду.

Линь Фэй не ожидал, что за время его отсутствия произойдет такое.

Он считал себя старшим братом Цзи Лэя, а старший брат должен защищать младшего, поэтому он холодно приказал детям уйти.

Его холодное выражение лица, даже в таком юном возрасте, уже внушало страх другим детям.

Те, испугавшись, отошли в сторону и занялись своими делами.

Линь Фэй сел обратно на диван и утешил Цзи Лэя: – Все в порядке.

Цзи Лэю кивнул, выглядев очень послушным. – Спасибо, брат.

Линь Фэй успокаивающе погладил его по голове и продолжил смотреть «Мир животных».

Казалось, на этом все должно было закончиться.

Но на самом деле все только начиналось.

В середине просмотра Цзи Лэю сказал, что ему нужно в туалет.

Линь Фэй остановил видео и стал ждать его.

Он сидел на диване, наблюдая, как Цзи Лэю повернул за угол и направился к коридору, где находился туалет. Вспомнив, как Цзи Синь обижал Цзи Лэя, он начал волноваться, что тот снова может стать жертвой, поэтому отложил планшет и встал, чтобы пойти за Цзи Лэем.

Однако Цзи Лэя не было в туалете.

Линь Фэй удивился и стал еще больше беспокоиться.

Он шел по пустому коридору, открывая одну за другой незапертые двери, но нигде не мог найти маленького Цзи Лэя.

Его тревога росла, и он ускорил шаг.

Наконец, он подошел к двери, ведущей в крытый бассейн.

Он только начал открывать дверь, еще не полностью ее распахнув, как увидел нечто, во что ему было трудно поверить.

То, что он увидел, осталось в его памяти так ясно, как будто это произошло вчера.

Цзи Лэю стоял у края бассейна и неожиданно толкнул Цзи Синя, который только что его обижал, прямо в воду.

Раздался громкий всплеск, вода брызнула во все стороны.

Его лицо было окутано туманным светом, выражение на лице казалось неоднозначным, его невозможно было разобрать.

Он стоял у края бассейна, подняв свой белый, словно выточенный художником подбородок, неподвижно, молча, с нечитаемым выражением лица наблюдая за бассейном, за Цзи Синем, который барахтался в воде.

Линь Фэй, не веря своим глазам, смотрел на это через толстую дверь.

Свет падал на лицо Цзи Лэя, словно окутывая его сиянием, делая его черты еще более размытыми.

Возможно, он никогда по-настоящему не видел его настоящего лица.

Цзи Синь все еще был в воде, он отчаянно барахтался, разбрызгивая воду, и кричал: – Я не умею плавать!

Он смотрел на Цзи Лэя на берегу и умолял: – Спасите меня, помогите!

Но Цзи Лэю просто смотрел.

Холодно, высокомерно, безжалостно.

Его губы слегка приподнялись, в глазах явно читалось удовольствие, как будто он наблюдал за захватывающим спектаклем, наслаждаясь паникой и отчаянием Цзи Синя.

Линь Фэй сделал шаг вперед, готовый открыть дверь и спасти Цзи Синя.

Но вдруг Цзи Лэю медленно убрал улыбку с лица.

Он повернулся, взял детский спасательный круг, лежащий неподалеку, и прыгнул в бассейн. Он поднял руку, накинул круг на голову Цзи Синя, обхватив его тело, а сам поплыл за ним, подталкивая его к берегу.

Он выбрался на берег первым, затем протянул руку и вытащил перепуганного Цзи Синя из воды.

Линь Фэй видел, как Цзи Лэю что-то сказал, но из-за расстояния не мог разобрать слов. Он только видел, как Цзи Синь дрожал, боясь приблизиться к нему.

Цзи Лэю снова улыбнулся, мягко и красиво, как маленький, еще не распустившийся бутон.

Он наклонил голову, что-то сказал, и Цзи Синь громко закричал, слезы навернулись на глаза, и он начал отступать.

Цзи Лэю, казалось, был развлечен его реакцией, он смеялся, ярко и радостно.

Линь Фэй смотрел на это, его глаза были спокойны.

Он уже понял истинную сущность Цзи Лэя и увидел, какая страшная душа скрывалась за его милой и красивой внешностью.

Он убрал руку с двери, но вдруг Цзи Лэю поднял голову и случайно посмотрел в его сторону.

Их взгляды встретились, и в глазах Цзи Лэя явно читалась паника.

Линь Фэй не сказал ни слова и не ушел.

Цзи Синь обернулся и, увидев его, словно нашел спасителя, бросился к нему, обхватив его.

Он указал пальцем на Цзи Лэя и закричал: – Он хотел утопить меня, он сумасшедший, он хотел убить меня!

Цзи Лэю, услышав это, мгновенно изменился в лице, с удивлением и обидой посмотрев на Цзи Синя, словно не веря, что тот может сказать такое. – Я не хотел, – защищался он. – Я спас его, он сам случайно упал в воду, я его спас.

Линь Фэй смотрел на его обиженное лицо, на его слезы, которые вот-вот прольются, и чувствовал себя сложно.

До этого дня он, как и все вокруг, искренне считал Цзи Лэя идеальным ребенком, милым, послушным, сладким и жизнерадостным, поэтому он спокойно и серьезно сказал Линь Луоцину, что тот может любить Цзи Лэя больше, и это нормально.

Но теперь он понял, что ошибался.

Цзи Лэю был красивее, чем любой другой ребенок его возраста, которого он когда-либо видел.

Его кожа была белее, чем у девочек в детских передачах, а глаза ясные и яркие, как янтарь на страницах книг.

Он выглядел невинным и послушным, милым и добрым, как цветок в саду, но на самом деле он был сложнее и страшнее, чем любой другой ребенок, которого Линь Фэй когда-либо встречал.

Все, что он видел в Цзи Лэе – его послушание, милота – было лишь оберткой, скрывающей не сладкую конфету, а острый нож.

Линь Фэй чувствовал, что никогда раньше не встречал такого ребенка – хитроумного, лицемерного, двуличного, жестокого и злого.

Все те слова, которые он раньше слышал только в отношении взрослых, теперь он без колебаний применил к Цзи Лэю.

Наконец, в этот момент, он полностью и ясно понял, кто стоит перед ним.

Линь Фэй посмотрел вниз на Цзи Синя, который все еще держался за него, не желая отпускать. Тот только что вылез из бассейна, его одежда была мокрой, и часть воды попала на одежду Линь Фэя.

- Отпусти, – сказал Линь Фэй, в его голосе явно звучало отвращение.

Цзи Синь тряс его, слезы на глазах. – Ты же видел, да? Он толкнул меня, он хотел утопить меня.

Линь Фэй не подтвердил, но и не отрицал.

Конечно, он видел, но как он мог признать это здесь? Если Цзи Синь пойдет к взрослым с его подтверждением, что тогда будет с Цзи Юйсяо и Линь Луоцином?

Он молчал, и Цзи Лэю начал нервничать еще больше.

Он медленно, шаг за шагом, приблизился к Линь Фэю, его голос был мягким. – Брат, ты же видел, я его спас, да?

Цзи Синь, видя, что он снова приближается, начал дрожать.

Он снова громко заплакал, крича: – Не подходи! – и отпустил Линь Фэя, бросившись к двери.

Линь Фэй быстро последовал за ним, Цзи Лэю тоже без колебаний побежал за Цзи Синем.

Цзи Синь бежал быстро, добежав до гостиной, где они играли раньше, и бросился к лестнице, крича: – Папа!

Линь Фэй попытался остановить его, но был схвачен Цзи Чжуном, старшеклассником, которого попросили присматривать за детьми. Тот спросил, что происходит.

Когда Линь Фэй наконец освободился от Цзи Чжуна и вместе с Цзи Лэем ворвался в конференц-зал на третьем этаже, Цзи Синь уже успел все рассказать.

Последующие события стали сложными и хаотичными.

Цзи Юйсяо, конечно, не поверил словам Цзи Синя, и отец Цзи тоже сначала не поверил, приказав Цзи Синю выйти. Но вдруг он изменил тон и начал расспрашивать Цзи Чжуна о том, что произошло.

Отец Цзи, как человек, обладающий наибольшим авторитетом в семье, своим изменением тона мгновенно изменил ситуацию. Остальные тоже начали расспрашивать Цзи Чжуна.

Только Линь Луоцин твердо стоял на стороне Цзи Юйсяо.

Цзи Чжун, не выдержав давления и ничего не зная, переложил ответственность на шестилетнего Линь Фэя.

Он сказал, что Цзи Синь начал плакать внезапно, и рядом с ним были только Линь Фэй и Цзи Ляю, поэтому не стоит спрашивать его, а лучше спросить Линь Фэя.

Цзи Синь тоже сказал, что Линь Фэй видел все и может подтвердить.

Все взгляды устремились на Линь Фэя.

Линь Фэй сохранял спокойствие, тихо глядя на лица вокруг.

Казалось, все хотели получить от него тот ответ, который им был нужен.

Отец Цзи даже назвал себя его дедушкой, улыбаясь и делая вид, что он добрый и заботливый, хотя сегодня, когда они вошли в дом, он даже не обратил на него внимания, а иногда, глядя на него и Линь Луоцина, в его глазах читалось отвращение.

Он был таким же лицемерным, как и Цзи Ляю.

Но Цзи Юйсяо не был лицемерным. Линь Фэй помнил, как при первой встрече он подарил ему тщательно подготовленный подарок, специально выделил для него комнату, не заставлял его говорить, если он не хотел, и терпеливо отвечал на его вопросы.

Линь Фэй чувствовал доброту и заботу Цзи Юйсяо, поэтому он не хотел ставить его в неловкое положение.

Он без колебаний встал на сторону Цзи Юйсяо и помог Цзи Ляю скрыть правду.

Цзи Ляю, опустив ресницы, выглядел жалко, его голос потерял былую живость: – Я больше никогда никому не буду помогать, чтобы меня не обвиняли и не заставляли других свидетельствовать за меня.

Его слова звучали мягко и обиженно, а красные глаза и слезы, готовые пролиться, делали его слова еще более убедительными. Если бы Линь Фэй не видел всего своими глазами, он бы тоже поверил.

Цзи Ляю был мастером маскировки, подумал Линь Фэй.

В конце концов, Цзи Юйсяо заставил всех, кто сомневался в Цзи Ляе, извиниться перед ним и отчитал родителей Цзи Синя, после чего они ушли.

Когда они вернулись домой, Линь Фэй сидел в своей комнате и читал книгу. Как и ожидалось, Цзи Ляю вошел.

Он осторожно подошел к нему и тихо позвал: – Брат.

Линь Фэй поднял глаза и посмотрел на него, в его взгляде не было никаких эмоций.

Он никогда не был эмоциональным человеком, и даже если он был удивлен, когда узнал истинную сущность Цзи Лэя, сейчас он уже успокоился.

Он спокойно, тем же тоном, что и всегда, сказал: - Я не расскажу твоему отцу и моему дяде.

- В то время он еще не называл Линь Луоцина отцом, считая его своим дядей.

Он, конечно, знал, зачем Цзи Лэю пришел, поэтому сразу дал ему нужный ответ: - Можешь быть спокоен.

Но как Цзи Лэю мог быть спокоен?

Такой хитрый человек, как он, вряд ли легко доверял другим.

Он боялся, что Линь Фэй расскажет Линь Луоцину, и еще больше боялся, что он расскажет Цзи Юйсяо. Он смотрел на Линь Фэя, его обычная улыбка исчезла, замененная тишиной и молчанием, словно он не знал, что сказать.

Линь Фэй не был заинтересован в его истинной сущности. Он перелистывал страницы книги и спокойно сказал: - Можешь идти.

Цзи Лэю улыбнулся: - Брат, ты меня ненавидишь?

- Нет.

Он никогда особо не любил Цзи Лэя, поэтому и ненависти не было.

- Тогда почему ты меня прогоняешь? - обиженно спросил Цзи Лэю.

Линь Фэй удивился: - Ты пришел, чтобы я не рассказывал твоему отцу и моему дяде? Я уже пообещал.

Цзи Лэю: ...

Цзи Лэю нашел его забавным.

Цзи Синь, увидев его таким, был в ужасе, а Линь Фэй, казалось, даже не обратил внимания и продолжал читать.

- Тебе нечего мне сказать? - спросил он.

Линь Фэй подумал и ответил: - Толкать людей в воду - это плохо.

- Ты можешь ругать его или даже ударить, но не стоит толкать его. Он не умеет плавать, он может умереть.

- Он не умрет, - спокойно сказал Цзи Лэю. - Я не дам ему умереть. Я просто хотел его напугать, поэтому, как видишь, я его вытащил.

Линь Фэй с шумом закрыл книгу и встал.

Он был на год старше Цзи Лэя и, естественно, выше его. Когда он встал, Цзи Лэю мгновенно оказался в его тени.

- Он не умеет плавать, поэтому ты не должен пугать его таким образом. Ругаться можно, драться можно, но толкать в воду - нельзя.

- Я сказал, я бы его спас, я не дал бы ему умереть, - упрямо повторил Цзи Ляю.

- Не все происходит так, как ты хочешь, - холодно сказал Линь Фэй.

- Но он же не умер, правда? - возразил Цзи Ляю.

Линь Фэй медленно улыбнулся, в его черно-белых глазах читалась легкая насмешка: - Он не умер, но если бы все было так, как ты хотел, зачем бы ты сейчас стоял здесь и говорил со мной?

- Если бы сегодня не я, а кто-то другой увидел это, что бы ты делал?

- Цзи Ляю, то, что ты хочешь, не всегда происходит. Ты не хотел, чтобы я появился, но я появился. Поэтому, даже если ты не хотел, чтобы Цзи Синь умер, он мог утонуть в бассейне из-за тебя.

- Ты спросил: «Тебе нечего мне сказать?» Теперь я сказал, но ты не хочешь слушать. Тогда зачем ты спрашивал?

Сказав это, Линь Фэй снова сел на свой стул, перелистнул страницу и продолжил читать.

Он никогда не любил много говорить, потому что многие слова, даже если их сказать, другие не услышат. Зачем тогда тратить время?

С самого начала он знал, зачем Цзи Ляю пришел, и с самого начала знал, что такой человек, как он, не станет слушать советов.

Он, возможно, согласится, может быть, даже кивнет своим милым личиком, но, не заглянув в его сердце, ты никогда не узнаешь, действительно ли он согласен или просто обманывает.

Линь Фэй не любил гадать и не хотел гадать, тем более что в то время Цзи Ляю не был настолько важен для него, чтобы он тратил на это силы.

Поэтому, если его спросили, он ответил. Если Цзи Ляю хотел слушать - хорошо, если нет - он не стал бы уговаривать.

Он сам был не таким, как другие дети, поэтому хорошо понимал, что многие вещи не меняются, сколько бы ты ни уговаривал. Его мама тоже уговаривала его больше говорить и играть с другими, но он не хотел, и никакие уговоры не помогали.

Цзи Ляю был таким же.

Линь Фэй спокойно продолжил читать, не прося его уйти и не говоря больше ни слова.

Цзи Ляю смотрел на него, пристально наблюдая.

Но Линь Фэй вел себя так, будто ничего не произошло, полностью погрузившись в книгу, словно Цзи Ляю не существовало.

Цзи Ляю чувствовал, что действительно не понимает Линь Фэя.

Он только что спорил с ним, говорил, что толкать людей в воду неправильно, что если бы все шло по его плану, он бы не появился.

А теперь он снова читал, словно никакого спора и не было.

Что он за человек?

Цзи Ляю был в замешательстве.

Он стоял рядом с Линь Фэем, внимательно разглядывая его.

Через некоторое время Цзи Ляю устал стоять и сел на кровать Линь Фэя, продолжая пристально смотреть на него.

Линь Фэй все еще вел себя так, будто не замечал его, ничего не говоря.

Наконец, он увидел, как Линь Фэй встал, словно собираясь налить воды.

- Хочешь воды? - спросил Линь Фэй.

Цзи Ляю: ...

Цзи Ляю чувствовал себя еще более озадаченным!

Он думал, что Линь Фэй будет напуган, испуган, раздражен или даже испугается, увидев, как он толкает кого-то в воду. Но Линь Фэй не был.

Он думал, что Линь Фэй будет раздражен, когда он настаивал, что Цзи Синь не умрет, что он просто хотел его напугать, а не убить, и прогонит его.

Но Линь Фэй не сделал и этого.

Он даже спросил: «Хочешь воды?» Цзи Ляю чувствовал, что Линь Фэй относится к нему так же, как и раньше.

Все так же холодно, безразлично, но не полностью игнорируя.

- Хочу, - сказал Цзи Ляю.

Но в комнате Линь Фэя не было его чашки или одноразового стакана, поэтому Линь Фэй дал ему бутылку воды.

Цзи Ляю взял ее и намеренно слабо попытался открыть, притворившись: - Я не могу открыть.

Он протянул бутылку Линь Фэю, и тот, не отказываясь, легко открыл ее и вернул обратно.

Цзи Ляю: ...

Так что это было?!

Ты только что учил меня и насмеялся надо мной!

А теперь ведешь себя так, будто ничего не произошло!

Что с тобой не так?!

Цзи Лэю действительно чувствовал, что его сводный брат слишком сложный. Как может быть такой сложный и непонятный ребенок? Это так странно!

Цзи Лэю оставался в его комнате, пока Линь Луоцин не пришел за ними, напомнив, что пора мыться и ложиться спать.

Линь Луоцин, помогая ему мыться, вдруг спросил: – Цзи Лэю, тебя действительно оклеветали?

Линь Фэй удивился, поднял глаза: – Ты ему не веришь?

Тон Линь Луоцина был мягким: – Если бы это был ты, я бы поверил. Но с Цзи Лэем я не так давно знаком. Ты же знаешь, я слышал слухи, что он очень жестокий, поэтому, когда мы с твоим дядей решили пожениться, я боялся, что он будет тебя обижать.

Линь Фэй вспомнил, что действительно так и было. В начале, когда они переехали, Линь Луоцин несколько раз выражал беспокойство.

Теперь эти опасения казались не такими уж беспочвенными.

Но он уже пообещал Цзи Лэю, поэтому не мог сказать Линь Луоцину правду.

Линь Фэй почувствовал легкую вину.

Он думал, что Линь Луоцин не будет сомневаться в Цзи Лэе и не станет спрашивать правду, поэтому, когда Цзи Лэю пришел в его комнату, он сам сказал, что не расскажет другим.

Он никогда не любил много говорить, тем более о чужих делах.

Линь Луоцин и Цзи Юйсяо верили Цзи Лэю, а тот не хотел, чтобы они узнали правду.

Поэтому он не видел смысла разрушать их доверие и причинять боль Цзи Лэю.

Но он не ожидал, что Линь Луоцин спросит его об этом.

Линь Фэй молчал, а затем тихо сказал: – Да.

Линь Луоцин смотрел на его красивое лицо, его голос был по-прежнему мягким: – Цзи Синь оклеветал его?

– Да, – Линь Фэй оставался спокойным.

Линь Луоцин не торопился говорить, просто тихо смотрел в его глаза. Глаза Линь Фэя были красивыми, черно-белыми, похожими на персиковые цветы, с длинными густыми ресницами.

А сейчас его длинные ресницы, словно туман, скрывали его мысли, как тонкая завеса, окутывающая его сердце.

Линь Луоцин внимательно наблюдал, и сквозь туманную завесу он увидел едва уловимую тень вины в глазах Линь Фэя.

Легкая и тонкая, казалось, что если он чуть шевельнет ресницами, она исчезнет.

Почему же он чувствовал вину?

Из-за того, что солгал ему?

Но зачем ему было лгать?

Линь Луоцин вспомнил, как, когда он пришел, Цзи Ляю сидел на кровати Линь Фэя и пристально смотрел на него.

Может быть, потому что он пообещал Цзи Ляю?

Он не мог нарушить свое слово, поэтому ему пришлось солгать, и из-за этого он чувствовал вину.

Линь Луоцин тихо вздохнул в душе, ничего не сказал, словно ничего не заметил, и продолжил вытирать спину Линь Фэя полотенцем.

- Фэй, - мягко сказал он, пытаясь подвести его к разговору, - если однажды кто-то упадет в воду не сам, а его толкнут, и ты это увидишь, что ты сделаешь?

Услышав это, Линь Фэй мгновенно поднял голову и посмотрел на него, думая, не знает ли он чего-то.

Но взгляд Линь Луоцина не изменился, он был таким же, как и раньше, полным тепла и доброты, мягким, как облака на небе.

Линь Фэй подумал некоторое время, но так ничего и не понял.

- Я ничего не сделаю, - спокойно ответил он.

- Ты не думаешь, что это неправильно? - удивился Линь Луоцин.

- Но даже если я скажу, он меня не послушает, - уверенно сказал Линь Фэй.

- Это не так, - попытался объяснить Линь Луоцин. - То, послушает он тебя или нет, это одно, а то, скажешь ты или нет, это другое. Если твои слова или предупреждение могут предотвратить катастрофу, то ты невольно поможешь кому-то, разве это не хорошо?

Линь Фэй оставался спокойным, как всегда. - Но какое мне дело до чужих проблем?

Линь Луоцин задумался и сказал: - Тогда вот что. Ты можешь не обращать внимания на других, но если ты видишь, что кто-то из нашей семьи, то есть я, твой дядя или Ляю, делает что-то неправильное, скажи нам, напомним. Хорошо?

- Так, если ты сделаешь что-то неправильное, я тоже тебе скажу. Это как с зеркалом: ты не видишь, что у тебя за спиной, но я вижу, поэтому я скажу тебе, если там что-то не так, а ты скажешь другим, если у них что-то не так.

Линь Фэй посмотрел на его улыбку, помолчал некоторое время и наконец кивнул.

Он действительно не хотел вмешиваться в чужие дела. У каждого свой характер и образ жизни, и достаточно заботиться о себе. Зачем вмешиваться в чужую жизнь?

Но Линь Луоцин хотел, чтобы он это делал, и если он не согласится, Линь Луоцин может расстроиться. Он не хотел, чтобы Линь Луоцин расстраивался.

- Хорошо, - с легкой неохотой согласился он.

- Тогда спасибо тебе, - улыбнулся Линь Луоцин и поцеловал его в щеку.

После ванны Линь Луоцин уложил его в кровать.

Линь Фэй выключил свет и закрыл глаза.

Но вскоре он услышал шум.

Он догадался, что это Цзи Ляю, и, включив свет, увидел, что тот стоит в дверях его комнаты, выглядывая украдкой.

Увидев, что его заметили, Цзи Ляю не смутился. Он широко улыбнулся и подошел к кровати Линь Фэй.

- Я не могу заснуть один, можно я лягу с тобой? - Цзи Ляю моргнул своими янтарными глазами, выглядев мило и невинно.

Линь Фэй немного подвинулся, освобождая место - они уже спали вместе раньше, поэтому не было смысла отказывать, тем более что, даже если бы он отказал, Цзи Ляю вряд ли ушел бы.

Цзи Ляю, увидев его движение, понял, что тот согласился.

Он быстро снял тапочки, залез под одеяло и устроился на кровати.

- Что твой дядя тебе сказал? - едва устроившись, он тут же спросил.

Линь Фэй знал, что он пришел сюда не просто так.

- Ничего.

- Правда? - Цзи Ляю не поверил.

- А что, по-твоему, он мог мне сказать? - ответил вопросом на вопрос Линь Фэй.

- Значит, ты ему ничего не сказал? - снова уточнил Цзи Ляю.

Линь Фэй считал, что этот вопрос был излишним.

- Если ты мне не веришь, то даже если я скажу, что ничего не говорил, ты все равно не поверишь. Если ты мне веришь, то я уже пообещал тебе, когда мы вернулись, и тебе не нужно было спрашивать.

Он закрыл глаза, готовясь заснуть.

Цзи Ляю обдумывал его слова, его глаза спокойно смотрели в темноту.

Через некоторое время Линь Фэй услышал тихий голос Цзи Ляю: - Спасибо за сегодня.

- Не за что, - спокойно ответил Линь Фэй.

Цзи Ляю перевернулся, хотел увидеть его лицо, но из-за темноты ничего не разглядел, только силуэт Линь Фэй, лежащего на спине.

- Повернись, - тихо сказал Цзи Ляю.

Линь Фэй с легкой неохотой повернулся к нему лицом.

В темноте Цзи Ляю смотрел на него, но не мог разглядеть его выражения, только чувствовал запах своего же геля для душа на его коже.

Цзи Ляю немного приблизился.

Он хотел поговорить с Линь Фэем, но не знал, что сказать.

Линь Фэй не был таким задумчивым, подождал немного, не услышав его голоса, и снова закрыл глаза, готовясь заснуть.

Через некоторое время он услышал мягкий, слегка смущенный голос Цзи Ляю: - Ты знаешь, что такое «несчастливый»?

Линь Фэй кивнул: - Комета.

- Нет, - Цзи Ляю моргнул, его голос был мягким. - Это человек, который приносит несчастье другим, такой человек называется «несчастливым».

Линь Фэй: ???

Линь Фэй не ожидал, что он скажет это. Конечно, он знал, что у этого слова есть такое значение, но откуда Цзи Ляю это знал?

Он был так молод, даже младше его, и не любил читать. Как он мог это знать?

- А, - тихо ответил он.

Цзи Ляю помолчал, казалось, он колебался, но, возможно, просто делал паузу между словами.

- Я - несчастливый.

Он сказал это спокойно, его голос был тише, чем раньше, но в то же время тяжелым, словно наполненным свинцом.

Линь Фэй без колебаний ответил: - Ты не такой.

Цзи Ляю, похоже, не ожидал, что он будет спорить, и слегка моргнул.

- Я такой, - настаивал он. - Бабушка и мама Цзи Синя так говорили.

- Ты не такой, - твердо сказал Линь Фэй.

Цзи Ляю нахмурился, не понимая, почему он спорит. Ведь он действительно такой, он сам в это верил.

- Мы попали в аварию, мои родители погибли, мой дядя был ранен, а я остался невредим, - вспоминая слова бабушки Цзи Синя, он сказал Линь Фэю. - Это и есть «несчастливый», он приносит несчастье другим, но сам не страдает. Его судьба тяжела.

- Я такой, - подтвердил он.

Линь Фэй: ...

Линь Фэй снова повторил: – Ты не такой.

– Авария – это случайность, твои родители и дядя погибли из-за случайности. Ты знаешь, что такое случайность? Это то, что происходит внезапно, и никто не может этого предвидеть.

– Тогда почему я не пострадал?

Линь Фэй: ...

Откуда ему знать?

Линь Фэй подумал и снова заговорил.

– Мои родители тоже погибли, – его голос был спокоен. – Но я жив, и я не «несчастливый», поэтому и ты не такой. Понял?

Цзи Лэю заинтересовался: – Как погибли твои родители?

– Моя мама заболела, а папа погиб в аварии. Я его не видел, но мама сказала, что он умер.

Цзи Лэю кивнул, но...

– Твой дядя не пострадал, поэтому ты не такой, а мой дядя был ранен, поэтому я такой.

Линь Фэй: ...

Линь Фэй, всегда спокойный, впервые почувствовал, что такое усталость.

Он немного подумал и продолжил: – Мой дедушка погиб, а твой – нет.

– Твой дедушка тоже погиб?! – удивился Цзи Лэю.

Как так? Еще один!

Значит, у Линь Фэя погибло больше людей, чем у него.

– Да, – спокойно сказал Линь Фэй. – Мама сказала, что мои дедушка и бабушка погибли.

И бабушка!

Еще один!

Цзи Лэю был в шоке!

Если он был «несчастливым», то Линь Фэй, должно быть, был огромной метлой, раз мог «убить» столько людей!

– Моя мама говорила, что рождение, старость, болезни и смерть – это нормально. Это судьба.

Цзи Лэю явно не понимал этого. – Судьба – это просто жить, разве нет?

– Нет, это судьба, – Линь Фэй повернулся к нему, в его голосе звучало легкое раздражение. – Ты мало читаешь.

- Мои дедушка и бабушка состарились, поэтому они умерли. Моя мама заболела, поэтому она умерла. Мой папа погиб в аварии, поэтому он умер. Это не имеет ко мне никакого отношения, поэтому смерть твоих родителей и ранение дяди тоже не имеют к тебе отношения. Если не веришь, завтра спроси своего дядю, что он скажет.

Цзи Лэю, услышав его слова, почувствовал неожиданное облегчение.

- Правда? - тихо спросил он.

- Да, - Линь Фэй оставался спокойным, как всегда.

Цзи Лэю медленно улыбнулся, словно солнечный свет пробился сквозь воду, заставляя её сверкать.

- Значит, я не «несчастливый»? - спросил он.

- Конечно, нет.

- И я не виноват в смерти моих родителей и ранении дяди?

- Конечно, нет.

- И я не буду причинять вред другим в будущем?

Это уже не так однозначно, подумал Линь Фэй.

- Если ты не будешь толкать людей в воду.

Цзи Лэю: ...

Цзи Лэю фыркнул, надул щёки и повернулся к Линь Фэю спиной.

Уголки губ Линь Фэя слегка приподнялись, едва заметно.

Он закрыл глаза и больше не говорил.

В комнате снова воцарилась тишина. Цзи Лэю украдкой посмотрел на него, затем снова повернулся и объяснил: - Я не хотел его убить, я просто хотел его проучить.

- Но он действительно мог утонуть, - Линь Фэй не открывал глаз, его голос был тихим. - В следующий раз так нельзя.

Цзи Лэю промолчал, слегка сжав губы.

Линь Фэй, не услышав ответа, открыл глаза и посмотрел на него: - Понял?

Цзи Лэю, конечно, понял, но понимание - это одно, а согласие - другое.

- Даже если я не хотел его убить, всё равно нельзя?

- Моя мама не хотела умирать, врачи не хотели, чтобы она умерла, я не хотел, чтобы она умерла, мой дядя тоже не хотел, но она всё равно умерла.

Его голос звучал тихо и одиноко в ночной тишине.

- Ты не можешь просто не хотеть, чтобы кто-то умер, и это предотвратит его смерть. Смерть - это то, что никто не может предсказать.

Цзи Ляю больше не говорил.

Он невольно вспомнил своих родителей, вспомнил Цзи Юйсяо. Его отец до последнего защищал маму, надеясь, что она выживет, надеясь, что он сможет её спасти, как его дядя, который изо всех сил держал его. Но мама всё равно умерла.

Его отец не хотел, чтобы мама умерла, но они всё равно ушли.

- Понял, - надув губы, неохотно согласился Цзи Ляю.

Линь Фэй вспомнил слова Линь Луоцина и продолжил: - Нельзя толкать людей в воду, и другие вещи тоже нельзя. Можно ругаться, можно драться, но кроме этого - ничего. Понял?

Цзи Ляю: ...

Цзи Ляю подумал, что он слишком многого требует!

Он громко фыркнул, явно нарочно.

- Сможешь? - спросил Линь Фэй.

- Если я просто не буду толкать людей в воду, разве этого недостаточно? - попытался возразить Цзи Ляю. - В следующий раз я буду осторожнее, чтобы никто не заметил, хорошо?

Линь Фэй: ... Это не вопрос того, заметят или нет!

Это вопрос того, что тебе вообще не стоит этого делать!

- Нельзя касаться воды, огня, ножей и других опасных предметов, - без колебаний сказал он.

Цзи Ляю: ...

Цзи Ляю почувствовал, что он просто издевается над ним!

- Не хочу, - ответил Цзи Ляю.

Линь Фэй, услышав его ответ, не стал продолжать уговаривать. Он уже сделал это один раз и не собирался повторять.

Он спокойно сказал: - А, - словно ничего не произошло.

Цзи Ляю ждал, что он продолжит уговаривать, но прошло некоторое время, а Линь Фэй молчал.

Только тогда он понял, что Линь Фэй, вероятно, закончил разговор этим одним словом.

Он с недоверием посмотрел на Линь Фэя. Неужели это всё?

Просто «а»?

Что значит «а»? Что он понял?

И всё? Больше ничего?

Цзи Ляю почувствовал лёгкое раздражение.

Он сердито перевернулся, громко хлопнув, как русалка, бьющая хвостом по воде, но Линь Фэй, казалось, ничего не заметил.

Цзи Ляю: ???

Цзи Ляю, разозлившись, заговорил: - Что это вообще такое? Это всё?

- А что ещё? - спокойно спросил Линь Фэй.

Цзи Ляю был далёк от его спокойствия: - Ты не можешь ещё немного уговорить меня?

Линь Фэй: ...

Линь Фэй с лёгкой неохотой открыл глаза и посмотрел на Цзи Ляю.

Ночь была тёмной, ничего не было видно, но Линь Фэй предположил, что Цзи Ляю сейчас надул щёки, как котёнок, который требует, чтобы его успокоили.

- Не делай того, о чём я говорил, хорошо? - с необычным для него терпением сказал Линь Фэй.

Цзи Ляю сжал губы: - Ты так уговариваешь?

Он настаивал: - Ты должен меня успокоить, если не успокоишь, как я могу согласиться?

Линь Фэй: ... Он такой детский!

И капризный!

Прямо как Линь Луоцин.

Линь Фэй тихо вздохнул в душе, радуясь, что уже научился успокаивать.

Он поднял руку и погладил Цзи Ляю по голове, мягко сказав: - Будь хорошим.

Цзи Ляю сразу оживился: - Ты слишком многого требуешь, давай что-нибудь попроще.

- Тогда, прежде чем делать что-то плохое, скажи мне. Если я не соглашусь, ты не сможешь это сделать.

Цзи Ляю: ...

- Ты знаешь, что такое плохое? Если заранее сказать кому-то, это уже не будет плохим!

И почему я не смогу сделать что-то, если ты не согласишься?

- Ты же сам знаешь, что это плохо, - спокойно сказал Линь Фэй.

Цзи Ляю: ...

Ладно, хорошие дети действительно не должны делать плохие вещи.

- Значит, если я захочу сделать что-то плохое в школе, мне нужно сначала позвонить тебе?

- Да.

Цзи Лэю почувствовал головную боль.

- Ругаться и драться не нужно, - добавил Линь Фэй.

Цзи Лэю: ... Спасибо.

- Не за что.

Цзи Лэю: ...

Цзи Лэю снова фыркнул, выражая своё недовольство.

Хотя он был не очень доволен, он не стал продолжать спорить.

Наверное, это можно считать согласием, подумал Линь Фэй.

Он убрал руку и снова закрыл глаза, готовясь заснуть.

Но едва он начал засыпать, как почувствовал движение Цзи Лэя.

Тот приблизился к нему и намеренно фыркнул ему в ухо.

Линь Фэй: ...

Линь Фэй снова открыл глаза: - Ты не спишь?

Спать, спать!

Ты только и думаешь о сне!

Цзи Лэю снова разозлился!

Ему нужно, чтобы Линь Фэй его успокоил!

- Я ещё не согласился, - сказал он.

Линь Фэй: ... А.

- Я злюсь, - голос Цзи Лэя звучал по-детски.

Линь Фэй оставался спокойным: - А.

- Что значит «а»?! - Цзи Лэю нахмурился. - Ты должен меня успокоить!

Линь Фэй: ...

Линь Фэй подумал, что он такой капризный.

Капризный, детский и упрямый. В этот момент он совсем не был похож на Линь Луоцина.

И разве он уже не успокоил его?

Линь Фэй снова поднял руку и погладил его по голове: - Будь хорошим.

Цзи Ляю: ...

- Ты только это и умеешь?

- Да, - Линь Фэй явно не видел в этом проблемы.

Цзи Ляю: ...

- Ты можешь обнять меня.

Он посмотрел на Линь Фэя: - Ты такой глупый.

Линь Фэй: ...

- Ты не глупый, ты сам считаешь себя «несчастливым», - мягко сказал Линь Фэй.

Цзи Ляю: !!!

Цзи Ляю сразу поднял ногу и без колебаний пнул его.

Линь Фэй ловко поймал его ногу, но его голос оставался спокойным: - Нельзя пинать людей.

- Отпусти, - сердито сказал Цзи Ляю.

Линь Фэй поднял ногу, давая ему свободу.

Цзи Ляю сразу повернулся к нему спиной и больше ничего не сказал.

Теперь он действительно разозлился, подумал Линь Фэй.

Он тихо вздохнул в душе, подумал и положил руку на поясницу Цзи Ляю.

Цзи Ляю схватил его руку и резко отбросил её назад, даже не повернув головы.

Линь Фэй сзади погладил его по голове: - Будь хорошим.

- Не буду, - сердито сказал Цзи Ляю.

Линь Фэй погладил его по голове, его голос был очень мягким: - Не злись.

Он медленно приблизился, одной рукой обнял Цзи Ляю, а другой продолжал гладить его по голове, терпеливо успокаивая.

Цзи Ляю почувствовал его движения и через некоторое время сказал: - Я не «несчастливый».

- Да, - тихо сказал Линь Фэй. - Ты не такой.

- Но ты только что так сказал.

- Я ошибся. Больше не буду.

- Я совсем не такой, - настаивал Цзи Ляю.

- Да.

- Никогда не был.

- Да, - Линь Фэй погладил его по голове. - Ты хороший.

Только тогда Цзи Лэю снова повернулся к нему.

Он смотрел на Линь Фэя, в его сердце была лёгкая обида, и он намеренно упрямылся: - Я не хороший.

- В большинстве случаев ты хороший, - подтвердил Линь Фэй.

- Правда?

- Да.

- Тогда я подумаю над тем, что ты сказал, - сказал Цзи Лэю, и обида исчезла, уступив место радости.

Линь Фэй, увидев, что он согласился, снова погладил его по голове в знак награды: - Хорошо.

Он убрал руку, но когда хотел убрать и ту, что обнимала Цзи Лэя, тот схватил её.

Линь Фэй удивился: зачем? Он уже успокоил его, разве ещё нужно обнимать?

Цзи Лэю прижался к нему, устроился поудобнее и обнял его руку.

- Не отпускай, - сладко сказал он. - Меня давно никто не обнимал перед сном, обними меня сегодня, хорошо?

- Хорошо, - согласился Линь Фэй.

Цзи Лэю сразу обрадовался, его голос стал ещё слаще: - Спокойной ночи, брат.

- Спокойной ночи, - ответил Линь Фэй.

<http://bllate.org/book/14691/1312538>